

УДК 364:94(37/38)

DOI: 10.17223/1998863X/33/17

А.А. Быков

РЕФОРМАЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В НАЧАЛЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Рассматривается трансформации христианской благотворительности в начале Нового времени. Автор исследования начинает с анализа ситуации, которая сложилась в экономике, культуре и в деятельности Римской католической церкви в позднем Средневековье. Предварительный экскурс в историю отнюдь не случаен. Он помогает понять причины Реформации и последующих событий. Однако «вначале было слово», поэтому в тексте изучаются идеи таких основоположников протестантизма, как Мартин Лютер, Жан Кальвин, Ульрих Цвингли. Новая идеология в сочетании с социокультурными и социально-экономическими факторами способствовали рождению принципиально иной, более креативной социальной системы, включая и благотворительную сферу, ставшую рациональнее, практичнее, жестче. Анализ изменений в этой сфере и является целью данной статьи.

Ключевые слова: Реформация, благотворительность, рационализация.

Реформация – так называется одно из крупнейших событий всемирной истории, именем которого обозначается целый период Нового времени, охватывающий XVI и первую половину XVII столетия («реформационный период» 1517–1648 гг.). Хотя весьма часто это событие называется более определенно религиозной или церковной реформацией, но в действительности оно имело гораздо более широкое значение, являясь важным моментом как в религиозной, так и в политической, культурной и социальной истории Западной Европы [1. С. 634].

В XV в., а возможно и в XIV в., происходит «латентная» подготовка реформационного периода. Наблюдается подъем в сфере экономики, торговли, культуре, но главной «точкой» роста, несомненно, стало развитие городов. Ф. Бродель называл города электрическими трансформаторами: они повышают напряжение, ускоряют обмен, они беспрестанно вершат жизнь людей. Разве не родились они из самого древнего, самого революционного из всех разделений труда: полей, с одной стороны, и так называемых городских видов деятельности – с другой [2. С. 509]. В самом деле, все радикальные изменения мировой истории, так или иначе, связаны с ростом городов: это и города-государства Шумера, города-полисы в Древней Греции и Италии, просто города средневековой Италии как экономическая и ментальная основа Возрождения.

Именно в городах рождаются инновационные виды деятельности, новые организационные формы, технологии, методы управления. В городах появились такие прогрессивные типы закрытых благотворительных заведений, как богадельни, странноприимные дома, дома призрения, позднее госпитали и др. Город всегда креативен, даже в самые ритуальные, застойные эпохи. Причина в особенностях городской коммуникации между индивидами. Взаимодействие происходит между достаточно дифференцированными по

роду деятельности, образованию, культуре, языку (хотя всегда есть единый язык общения) людьми. В городах сталкиваются и разные социальные практики, поэтому город в эпоху Возрождения и Реформации – это уникальная целостность, особый мир, обязанный себя защищать. Горожане всегда занимаются конструированием своей социальной реальности, своего ойкаса.

Итак, в эпоху, предшествующую Реформации в Западной Европе, усиливается процесс урбанизации, несомненно, повлиявший на все сферы жизни общества, в том числе и на социальную, опирающуюся, прежде всего, на благотворительные начала.

Начиная с V в. н.э. (Падения Западной Римской империи) церковь становится главным субъектом поддержки наиболее уязвимых слоев населения, организатором и вдохновителем благотворительной деятельности. Однако в конце Средневековья католическая церковь находилась в состоянии кризиса, цели церкви и общества стали сильно расходиться. Об этом писала Б.Д. Порозовская, русский историк второй половины XIX в.: «С одной стороны крайнее вырождение римской церкви, нравственный упадок и невежество духовенства, сопровождавшиеся полнейшей утратой его прежнего обаяния в глазах народа, с другой – громадные успехи и распространение знания, благодаря возрождению наук и искусств, благодаря изобретению книгопечатания и целому ряду замечательных открытий в области географии и астрономии – вот те причины, которые вызвали недовольство всем средневековым строем» [3. С. 5].

Меняются ценностно-нормативная система, этический облик эпохи, наблюдается дальнейший отход от принципов раннего христианства. Об этом писал И. Хейзинга: «Именно сочетание с примитивной гордостью придает алчности в период позднего Средневековья нечто непосредственное, пылкое и неистовое, что в более поздние времена, по-видимому, безвозвратно утрачивается. Ренессанс и протестантизм наполнили корыстолюбие этическим содержанием, узаконив его как необходимое условие благоденствия. Клеймо на нем бледнело по мере того, как отказ от земных благ признавался все менее похвальным и убедительным. Но позднее Средневековье между порочной алчностью и щедростью или добровольной бедностью было в состоянии видеть лишь неразрешимое противоречие.» [4. С. 30].

В начале XVI в. Европа вступила в достаточно сложную контрастную эпоху, в которой предстояло измениться и благотворительности как социокультурному феномену. Получили дальнейшее развитие такие тенденции, как усиление светскости и этатизация в сфере регулирования и контроля. Однако «вначале было слово».

Реформаторы церкви – Лютер, Кальвин, У. Цвингли – были не только теоретиками изменений, но и практиками, особенно двое последних.

Жан Кальвин в работе «Наставление в христианской вере» обосновывает связь между религией и милосердием: «Верно сказано, что различие не только главная составная часть всякой праведности и добродетели – она их животворящая душа. Без страха Божия в отношениях между людьми никогда не будет ни справедливости, ни милосердия» [5. С. 375].

В учении Ж. Кальвина достаточно сильны морально-этические мотивы. Он подчеркивает, что «господь запрещает нам унижать ближнего и вредить

ему, так как Он желает, чтобы жизнь ближнего была для нас драгоценна. Поэтому Он требует от нас также дел милосердия, благодаря которым эта жизнь может быть сохранена» [5. С. 374].

Люди обязаны делать добро ближнему, поскольку милосердные дела есть аргумент в пользу благочестия, а «любовь, которая вследствие нашей природной испорченности обращена нами на нас самих, должна распространяться во вне, дабы мы были готовы делать добро другим не в меньшей степени, чем самим себе» [5. С. 417].

Ж. Кальвин был хорошо знаком с трудами античных авторов, в частности с философскими работами Цицерона и Сенеки, и, подобно им, он вводит некоторые моральные ограничения в сфере благотворения. Добродетель, помощь другим при подаче милостыни не должны мотивироваться исключительно тщеславием. Ссылаясь на авторитет Евангелия от Матфея, французский теоретик протестантизма пишет, что «тщеславные люди, то есть ищущие мирской славы, или люди, распираемые самодовольством, не могут быть угодны Богу. Он объявляет, что первые уже получили награду свою в этом мире», а вторые дальше от Царства Божьего, чем мытыри и блудницы [5. С. 156].

Еще одним моральным ограничением благотворения является отсутствие всяких намеков на унижение нуждающегося в помощи «своим гордым видом, либо надменной речью». Просящий человек может не нравиться милосердному человеку, может казаться не достойным милостыни, но «образ Божий», который мы созерцаем в этом человеке, вполне достоин того, чтобы мы отдали ему все, что у нас есть» [5. С. 160]. Эта идея восприятия образа Бога в облике нищего не нова. Об этом писал и Иоанн Златоуст: «Христа одеваешь ты, одевая бедного» [6. С. 660] ... в бедности скрывается Бог; бедняк протягивает руку, а принимает Бог. Когда случится с тобою какое-нибудь горе, подай скорее милостыню; возблаговари за то, что оно случилось, и ты увидишь, какая найдет на тебя радость [6. С. 665]. Основные идеи и установки теологии Ж. Кальвина вполне соответствуют общехристианскому семантическому полю. Об этом свидетельствует и социально-психологическая установка – поставь себя на место страдающего бедняка, глубоко проникни в заботы того, кто нуждается в помощи. Милосердные люди должны были сжалиться над его судьбой, «как будто они сами испытывают ее удары, чтобы ощутили к нуждающимся тоже сострадание и милосердие, которое способны испытывать к себе» [5. С.161]. Способность к эмпатии – важнейшее качество благотворителя, и если оно отсутствует, то перед нами холодное, бездушное соблюдение христианских «формальностей». Тем более, если об унижении бедных некоторыми «милостивцами» пишет сам Ж. Кальвин, значит, такие факты имели место в повседневной жизни.

Другой теоретик и практик протестантизма Ульрих Цвингли явно пытался вернуться к нормам раннего христианства, во всяком случае, как он себе их представлял. Перед собой он ставил достаточно сложную цель – религиозно-нравственного перевоспитания пока еще католического общества. Индивиды, входящие в общину, должны были сами определяться со своей религиозной идентичностью и создавать свою систему внутреннего управления, включая и помощь нуждающимся.

На практике это значило содействие усилению нравственной дисциплины в народе, в частности, учреждались суды по брачным делам, а за грехи – отлучение от церкви. Изданы законы против чрезмерной расточительности, пьянства, азартных игр и тому подобных проступков. Последний устав 1530 г. отличался особой строгостью. Число трактиров было ограничено, а содержатели их обязывались не отпускать по праздникам вина до обеда, запирать свои заведения не позже 9 часов вечера и никому не давать вина в долг более чем на 10 шиллингов [3. С. 53].

Суровость действий новой церкви напоминает порядки в ранних христианских общинах, опирающихся на указания Апостольских Постановлений.

У. Цвингли, развивая дисциплинированность, ответственность, индивидуализм членов новой общины, допускал и существование людей, нуждающихся в помощи, а такие всегда есть – сироты, старики, нищие, инвалиды, больные. Поэтому развивается благотворительность, но на новых основах, хотя, возможно, забытых старых.

Средства для благодеяний имелись, прежде всего, за счет секуляризации церковных имуществ. В Цюрихе устроена была целая сеть благотворительных учреждений. Нищенство и бестолковая раздача милостыни запрещены. Как считал Ж. Кальвин, «нищих в городе не полагалось». Все жители города обязаны были работать. Вместо подкармливания нищих для помощи нуждающемуся населению устроены запасные магазины, из которых особые служащие раздавали и даже разносили на дом съестные припасы бедным и больным; учреждены богадельни, гостиницы для бедных проезжих, больницы и особые чумные госпитали [3. С. 53].

Рационализация благотворительных практик в ходе и после Реформации стала основной чертой развития данного социокультурного феномена. Прагматизация благотворительности генетически связана с базовым принципом протестантизма – замена авторитета церкви, папства на авторитет текстов Священного Писания. Реализация этого принципа позволила раскрепостить энергию и инициативность членов протестантских общин и сделать помощь нуждающимся более адресной.

Реформация оказала влияние на благотворительность в целом в Европе, в том числе и в католических регионах. Новые социально-экономические и политические реалии привели к реформированию форм помощи населению. Как считают Боргман и Смит: «Одно мы знаем точно: за сравнительно короткое время реформы резко продвинулись сразу в нескольких городах: в 1522 г. – в Нюрнберге, в 1523 г. – в Страсбурге, в 1525 г. – в Монсе, в 1525 г. – в Ипре, в 1527 г. – в Лилле. Кульминацией стал долгожданный указ об имперской реформе, изданный Карлом V в 1531 г. Этот указ освящал реформы, которые уже были проведены во многих городах Священной Римской империи, и придавал им законодательный характер» [8].

Централизация на уровне, прежде всего, муниципальной власти стала главным фактором развития благотворительности в Западной Европе.

В течение XVI в. многие крупные города добились централизации помощи бедным слоям населения и взяли под свой контроль разношерстные благотворительные учреждения, зачастую устаревшие и неэффективные. Пришлый люд и бродяги были выселены из городов, а трудоспособных побиру-

шек заставили работать. Во многих городах были созданы централизованные фонды раздачи милостыни, опиравшиеся на частные пожертвования и введенные специальные налоги. Такие города северной Европы, как Ипр, Нюрнберг, Париж, Лион, послужили примером для 60–70 других – и католических, и протестантских городов, где были проведены аналогичные реформы. [8].

Верховная светская власть в лице монархов особого внимания делам благотворительности не уделяла. Император Карл V и король Франции Франциск I в своих указах наметили общие интенции вмешательства государства в социальную сферу своего времени. В 1520 г. Франциск I (1494–1547 гг.) поручил реформировать больницы и королевские приюты Главному подателю королевской милостыни: ему было приказано назначать в каждый приход двух проверяющих – одного из клириков, другого из мирян, которые должны были совместно осуществлять надзор за ходом реформ [8]. Однако это был максимум воздействия высшей государственной власти на благотворительность, основную роль в реформировании «богоугодных» учреждений по-прежнему играли муниципалитеты.

Интересен опыт развития благотворительности в Англии. Эта страна, в отличие от многих государств Европы, после нормандского завоевания, управлялась более централизованно. Это сказалось на реформировании всех сфер социальной поддержки населения в сторону более серьезного вмешательства со стороны королевской власти и городов. Этому способствовали и некоторые установки англиканства, изложенные в XXXIX членах англиканского вероучения (1563 г.) В XXXVIII части сказано: «Богатство и имения христиан по отношению к праву и владению не общи, как ошибочно утверждают анабаптисты; тем не менее каждый человек обязан из своего имущества, по мере сил, уделять милостыню бедному» [7. С. 100].

Религиозные установки англиканства, несомненно, влияли на практическую деятельность властей. Так, «в течение 1540–1550 гг. стройную систему приютов создали лондонские власти: в некоторых из них ухаживали за больными и немощными, один был предназначен для приема найденьшей, а еще в один насильно помещали праздношатающихся и лиц без определенных занятий. В общем и целом, однако, ослабление монастырей и других средневековых богоугодных заведений побуждало англичан сосредоточить усилия на приходской благотворительности и пытаться упорядочить раздачу милостыни. Генрих VIII (1491–1547 гг.) издал указ, согласно которому каждый город был обязан учредить фонд для помощи бедным. Все добровольные пожертвования (о принудительном налогообложении речи не шло) следовало передавать распорядителям этих фондов, а не попрошайкам на улицах, за исключением тех случаев, когда последние явно принадлежали к некоторым особым разрядам – например, слепцы или матросы с потерпевшего крушение судна [8]

В 1601 г. в Англии был принят «Статут о благотворительном пользовании», который отражал как общехристианские традиции благотворения, так и новые социально-экономические реалии. В преамбуле перечисляются следующие благотворительные цели: помощь бедным, немощным, престарелым, больным и увечным солдатам и матросам; школам, колледжам и университетам; починка мостов, пристаней, гаваней, дамб, храмов, парапетов и проез-

жих дорог; обучение и материальная поддержка сирот; поддержка исправительных учреждений; содействие бракам неимущих девиц; помощь и поддержка молодых купцов, ремесленников, в том числе и в случае их финансового краха; выкуп военнопленных и уплата штрафов за осужденных [8]. Однако поощрялась, прежде всего, частная благотворительность.

Система благотворительности в Англии была одной из самых развитых в Европе, но и она была далека от совершенства. В европейских городах все чаще наблюдается нарушение евангельских установок по оказанию помощи бедным. В некоторых городах могли накормить бедного, а потом выгнать. Это становится обычной практикой. Как писал Ф. Бродель, проблемой было лишить бедняков возможности причинить вред. В Париже больных и инвалидов всегда помещали в госпитали, здоровых же использовали на тяжелых и изнурительных работах по бесконечной очистке городских рвов и канав, притом скованными по два. В Англии в конце правления Елизаветы появляются «законы о бедных (poor laws)», фактически законы против бедных. Мало-помалу по всему Западу умножается число домов для бедняков и нежелательных лиц, где помещенный туда человек был осужден на принудительный труд в работных домах (work houses), как и в немецких «воспитательных домах» или во французских «смирительных домах» (maisons de force), вроде, например, того комплекса полутюрем, который объединяла под своим управлением администрация парижского Большого госпиталя, основанного в 1656 г. Это «великое заточение» бедняков, душевно больных, правонарушителей, сыновей, которых их родители таким способом помещали под надзор, – один из психологических аспектов общества XVII в., общества благоразумного, но беспощадного в своем благоразумии [2. С. 89].

Разложение традиционного общества сопровождалось размыванием базовых ценностей и норм поведения, нарушением привычных социальных связей, в том числе и поддерживающих наиболее уязвимые слои населения. Ситуация аномии начинает формироваться в XVI в., но пока как локальное явление. Капиталистическая система формируется постепенно и неравномерно, не затрагивая или затрагивая в малой степени значительные регионы. Однако в наиболее продвинутых регионах происходит дифференциация населения и увеличение количества бедных людей. Поэтому ужесточение благотворительности – реакция вполне рациональная, но не очень гуманная, на пауперизацию населения.

Ф. Бродель приводит многозначительный факт: «В Дижоне в 1656 г. городские власти пошли даже на то, чтобы запретить горожанам оказывать частную благотворительность и давать приют беднякам. В XVI в. чужака-нищего лечат или кормят перед тем, как выгнать. В начале XVII в. ему обривают голову. Позднее его бьют кнутом, а в конце века последним словом наказания стала ссылка его в каторжные работы. Такая картина в Европе» [2. С. 90].

Итак, с началом Реформации и последующими изменениями во всех сферах жизни во многих регионах Европы меняется отношение к бедным, как и формы благотворительной помощи. «Благоразумная», рациональная поддержка, но жесткая и пока еще не адресная, стала основной тенденцией развития благотворительности в XVI – первой половине XVII в. Рост городов

и усиление централизованной власти привели к обмирщению и централизации благотворительности, что нашло отражение в формировании правовой базы изучаемого феномена.

Литература

1. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедия. СПб., 1899. Т. 52. 963 с.
2. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. М., 1986. Т. 1. 509 с.
3. Порозовская Б.Д. Ульрих Цвингли, его жизнь и реформаторская деятельность. СПб., 1892. 96 с.
4. Хейзинга И. Осень Средневековья. М., 1988. 540 с.
5. Кальвин Ж. Наставление в христианской вере. М., 1997. Т. 2, кн. 2. 480 с.
6. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, Архиепископа Константинопольского. СПб., 1906. Т. 12, кн. 1, 2. 468 с.
7. Бондарь С.Д. Англиканская епископальная церковь. Записка. СПб., 1911. 100 с.
8. Боргман К., Смит Д. Благотворительные учреждения в европейских странах: исторический контекст. //Отечественные записки. 2006. № 4. <http://strana-oz.ru/2006/4/blagotvoritelnye-uchrezhdeniya-v-evropeyskih-stranah-istoricheskiy-kontekst>

Bykov Alexander A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

E-mail: aab56@sibmail.com

DOI: 10.17223/1998863X/33/17

REFORMATION AND TRANSFORMATION OF CHARITY WORK AT THE BEGINNING OF THE NEW TIME

Keywords: Reformation, charity, rationalization.

Studying the phenomenon of charity is of particular interest for philosophers, historians, and leaders of society. However, in the Soviet period, this issue was not examined at all, for political reasons. Nonetheless, charity has always reflected the level of socio-economic development of society and the state of moral culture and civilizational maturity of society. Therefore analysis must take into account three elements of charity in Russia: the historical background (context), the concept, and the practice of charity.

This article is aimed at studying the transformation of Christian charity at the beginning of the New Time and the analysis of changes ongoing in this sphere. The authors of this research start with the analysis of the situation that had been formed in the economy, culture and activity of the Roman Catholic Church in the late Middle Ages. Such a preliminary excursion into the historical domain is not coincidental. It assists understanding the reasons for the Reformation and later events. However, "in the beginning was the Word", therefore, the text analyzes the ideas of such founding fathers of Protestantism as Martin Luther, John Calvin, Huldrych Zwingli. The new ideology along with the sociocultural and socioeconomic factors promoted the formation of a radically different and more creative social system, also including the charity sphere that became more rational, practical and rough. The purpose of the article is the analysis of changes in this area.

In the XV century there was a latent preparation of the reformation period of European history. Cities played the large role in this process. The French historian F. Braudel called the cities the electrical transformers that increase the voltage, increase exchange, change people's lives. In the cities there was a very different kind of communication between individuals based on social differentiation of the inhabitants. The reflection of changes in the late Middle ages begins just in cities and there were born innovative activities, new organizational forms, technologies, management practices. In the cities there were such progressive types of private charitable institutions such as almshouses, hospices, houses of mercy, and later hospitals, etc. The City is always creative, even in the ritual, stagnant era. The attitude towards charity was also changed. The main trend of the charity development in the period under review became the rational support, but hard and not yet targeted.

References

1. Brockhaus, F.A. & Efron, I.A. (1899) *Entsiklopediya* [Encyclopedia]. Vol. 52. St. Petersburg: [s.n.].

2. Braudel, F. (1986) *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm* [Material civilization, economy and capitalism]. Vol. 1. Moscow: Progress.
3. Porozovskaya, B.D. (1892) *Ul'rikh Tsvingli, ego zhizn' i reformatorskaya deyatel'nost'* [Ulrich Zwingli, his life and reform activities]. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za.
4. Huizinga, J. (1988) *Osen' Srednevekov'ya* [The Autumn of the Middle Ages]. Translated from Dutch by D.V. Silverstov. Moscow: Nauka.
5. Calvin, J. (1997) *Nastavlenie v khristianskoy vere* [Institutes of the Christian Faith]. Translated from French by A.D. Bakulov. Vol. 2(2). Moscow: Aslan.
6. John Chrysostom, Archbishop of Constantinople. (1906) *Tvoreniya svyatogo ottsa nashego Ioanna Zlatousta, Arkhiepiskopa Konstantinopol'skogo* [Works of our Holy Father John Chrysostom, Archbishop of Constantinople]. Vol. 12. St. Petersburg: Theological Academy.
7. Bondar, S.D. (1911) *Anglikanskaya episkopal'naya tserkov'. Zapiska* [The Anglican Church. A Note]. St. Petersburg: Ministry of Internal Affairs.
8. Borgman, K. & Smith, D. (2006) *Blagotvoritel'nye uchrezhdeniya v evropeyskikh stranakh: istoricheskiy kontekst* [Charity institutions in Europe: A historical context]. *Otechestvennye zapiski*. 4. [Online] Available from: <http://strana-oz.ru/2006/4/blagotvoritelnye-uchrezhdeniya-v-evropeyskih-stranah-istoricheskiy-kontekst>.